

ДОРОГАЯ ПАМЯТЬ

Из цикла очерков «Незабытое»

Как дорогое воспоминание о молодости храню старинные ноты. Ставлю на пюпитр фортепиано что-то созвучное настроению и играю. Так, для себя, иногда — для гостей и друзей.

Ноты изданы в Киеве в 1916 году известным тогда издательством И. А. Возницкого. Киев — родина Александра Вертинского. На заглавном листе нот — портрет молодого певца.

Ниже он в костюме Пьеро, в котором выступал на эстраде. Рядышком — репертуар: «Минуточка», «Маленький креольчик», «Песнь о трех пажах», «Лиловый негр», «Попугай Флобер», «То, что я должен сказать», «За кулисами».

Как начинался путь артиста?

ЛИСТАЮ «Ни дня без строчки» Юрия Олеши. Самые последние страницы о Вертинском:

«Я помню его первые выступления, когда он появился в одежде Пьеро — только не в белой, как полагаются, а в черной, выходя из-за створки закрытого занавеса к рампе, освещавшей его лиловым светом. Он пел то, что называл «ариетками Пьеро» — маленькие не то песенки, не то романсы: вернее всего, это были стихотворения, положенные на музыку, но не в таком подчинении ей, как это бывает в песенке или в романсе, — «ариемки» Вертинского оставались все же стихотворениями на отдаленном фоне мелодии. Это было оригинально и производило чарующее впечатление... Он отдавал дань моде, отражал те настроения, которые влияли в ту эпоху даже на таких серьезных деятелей искусства, как Александр Блок, Алексей Толстой, Маяковский».

В гражданскую войну, в 1919 году, он стал эмигрантом. Из его мемуаров:

«До сих пор не понимаю, откуда у меня набралось столько смелости, чтобы, не зная толком ни одного языка, в двадцать пять лет, будучи капризным, избалованным русским артистом... так необдуманно покинуть Родину. Сестра на пароход и уехать в другую страну».

Мучает, сдает тоска. Она пронзительно звучит в его песне «В степи молдавской», которую он видит, находясь по ту сторону ее, за Днестром, в Румынии.

О, как сладко,
Как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну...

Живет во Франции. Посещает страны Европы. Плывет в Америку. Гастроли в Нью-Йорке, Голливуде, Сан-Франциско проходят с аншлагами. Но это не заглушает тоски. Она нарастала. Он пел о том, что нет счастья вне родного Отечества.

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и
Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города.

И чужая плещется вода.

Артист посещает Японию. Едет в Китай. Шумит многомиллионный город Китая, порт Шанхай. Имя Вертинского появляется на афишных тумбах города. Поет в ресторанах, кабаре, ночных клубах.

Печатается в газетах, выходящих в Харбине и Шанхае на русском языке. Работает в еженедельнике «Шанхайский базар». Там ведет отдел «Почтовый ящик», публикует заметки о городской жизни.

Мысли о возвращении на Родину не оставляют Вертинского. Еще в начале двадцатых годов, находясь в Польше, он обратился к Советскому правительству за разрешением возвратиться в Советский Союз. Просьба не была удовлетворена. Он пользуется приездом в Берлин Луначарского. Подает через него прошение и опять получает отказ.

Шел тысяча девятьсот сорок третий год. Через нашего дипломата в Шанхае он снова посылает прошение в

Москву. И вот свершается то, о чем он так долго мечтал и упорно хлопотал. Приходят визы и паспорта на него и членов семьи.

Позади четверть века на чужбине, восемь лет из них в Шанхае. Едет в Москву с женой, годовалой дочуркой Марианной и тещей.

Проплывали церкви с куполами, печальные погоды за околицами, поля, темнеющий лес вдали. Милый сердцу русский пейзаж, запавший в душу с детства.

Показался Читинский вокзал. Переполненный людьми перрон. Много военных. Хотя Чита в глубоком тылу, война чувствовалась и здесь. Поезда торопились на Восток, в Сибирь.

Александра Николаевича, его семью встретили сотрудники местной филармонии.

Надо было начинать концертную деятельность. Нужен аккомпаниатор. Им становится Михаил Борисович Брехес. Прекрасный пианист, окончил Ленинградскую консерваторию. Теперь гастролировал в Чите.

Читинцы первыми слушали первые концерты Вертинского на советской земле. И снова дальняя дорога.

Ему приготовлен номер в «Метрополе». Рядом Кремль. Первые прогулки на Красную площадь, к Москве-реке. Первые дни почти не бывает в гостинице, допоздна бродит по Москве, встречается с друзьями и приятелями далеких лет молодости.

Первый концерт в Центральном Доме актера. Гремят неистовые аплодисменты, публика стоя приветствует артиста. Произносит короткую речь, вспоминает слова Ивана Сергеевича Тургенева: «Россия может обойтись без каждого из нас, но никто из нас не может обойтись без России».

Исполняет только что написанную песню:

О Родина моя!
В своей простой шинели,
В пудовых сапогах,
Детей своих любя,
Ты поднялась сквозь бури
и метели,
Спасая мир, не верный
в тебья!

Поет песни, знакомые многим с давних пор по грампластинкам, а старым москвичам еще по частному театру «Нина и Петипа», где артист пел, выходя на подмостки в костюме Пьеро.

Едет на фронт, выступает. Дает концерты, сборы с которых идут в фонды помощи детям фронтовиков, инвалидам войны.

Артист разъезжает по стране. Дает двадцать четыре концерта в месяц, а ведь ему уже шел к концу шестой десяток.

Появляются объявления в газете «Правда Востока» о предстоящих гастрольях Вертинского.

27 сентября, пятьдесят шестой год, четверг, вечер — первое выступление Вертинского. Переполненный концертный зал имени Свер-

длова. Люди стоят в проходах, сидят на приступках амфитеатра, теснятся на балконах.

Вертинский сам объявляет вещи, которые исполняет. Поет «В степи молдавской», «В синем и далеком океане», «Чужие города», «Темнеет дорога приморского сада», «Мадам, уже падают листья», «Танго «Магнолия», «Над розовым морем вставала луна», «Прощальный ужин», «Доченьки».

Поет два отделения, зал, словно завороченный, внимал звукам дивных песен.

Александр Николаевич спел в Ташкенте восемь концертов. Последний раз ташкентцы слушали его в воскресенье, 7 октября пятьдесят шестого года.

Минуло несколько месяцев, и Вертинского не стало. Он умер 21 мая 1957-го в Ленинграде, в гостиничном номере после возвращения с очередного концерта. Умер в одночасье, сидя за столом, в ожидании заказанного стакана чая.

Артиста любила публика, и он ждал рецензии на свои концерты. Тщетно. Газеты и журналы молчали до самой его кончины. Стихи и ноты музыкальных сочинений не издавались, готовый к выпуску сериал пластинок отправили под пресс, а набор рукописи книги воспоминаний приказали рассыпать.

Но вот подул в стране свежий ветер перемен и обновления. Изменилось и отношение к Вертинскому. Широко отмечалось столетие со дня рождения Александра Николаевича Вертинского. Его творчеству, творчеству артиста эстрады и кино, поэта и композитора, лауреата Государственной премии СССР, были посвящены передачи по радио и телевидению, звучали известные и забытые романсы и песни Вертинского. Газеты и журналы поместили материалы о нем.

Вот один из многих — интервью газеты «Социалистическая индустрия» с аккомпаниатором знаменитого певца Михаилом Брехесом:

«У Вертинского был «небольшой» голос. Пробелы в вокале он восполнял высоким искусством актера. Волшебная игра рук, которой так восхищался Качалов, неподражаемая мимика, проникновенные интонации, тонкое знание человеческой души делали его песни непохожими на другие. На глазах восхищенной публики рождался новый песенный жанр — песни-раздумья, песни-монологи. Да и вообще Вертинский не пел в привычном смысле слова — он наговаривал текст под музыку, размышлял под нее. Кстати, истоки современной бардовской музыки надо искать как раз в творчестве Вертинского. Без него, возможно, не было бы ни Высоцкого, ни Окуджавы. Наверное, поэтому его песни близки нам и сегодня».

К. КУРНОСЕНКОВ.